

КОННЕКТОРЫ — ШТАТНЫЕ СОТРУДНИКИ В ДИСКУРСЕ И СОВМЕСТИТЕЛИ В ПРАГМАТИКЕ

И. М. Кобозева^{1, 2}

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

² Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1

Поступила в редакцию 12.06.2025 г.

Принята к публикации 24.06.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-3

Статья посвящена коннекторам — служебным словам, фраземам и конструкциям, основная функция которых состоит в выражении смысловых отношений между единицами дискурса. Цель статьи — рассмотреть отношение коннекторов к сфере прагматики, так как ранее коннекторы в этом аспекте не анализировались. Поскольку прагматика в лингвистических исследованиях имеет как минимум две трактовки, которые мы называем эпистемологической (прагматика как фоновые знания, задействованные при порождении и понимании дискурса) и семиотической (прагматика как информация об отношении говорящего к сообщаемому, заключенная в языковых выражениях), мы анализируем обе эти трактовки. Во вводном разделе 1 обосновывается преимущество относительно нового для российской лингвистики термина «коннектор» по сравнению с близкими ему терминами и демонстрируется формальное разнообразие коннекторов. Основной раздел 2 состоит из двух частей, в первой из которых (2.1) показано, что прагматика в ее эпистемологической трактовке выступает как фактор, уточняющий выражаемое коннектором смысловое отношение, а во второй (2.2) — наличие в языковом значении коннекторов прагматической информации в ее семиотической трактовке. В результате анализа сделан вывод о том, что, помимо своей основной функции выражать смысловые связи между единицами дискурса, многие коннекторы выполняют дополнительную функцию передачи прагматической информации об отношении говорящего к пропозициональному содержанию связываемых ими единиц.

Ключевые слова: коннектор, союз, дискурс, прагматика, оценка

1. Введение

1.1. О термине «коннектор»

Коннектор — относительно новый термин в российской лингвистике, появившийся в 2010-е гг. в работах О.Ю. Иньковой и других лингвистов и информатиков, участвовавших в руководимом ею проекте по созданию многоязычной надкорпусной базы данных (БД) коннекторов на базе ИПИ ФИЦ ИУ РАН (Зацман и др. 2016) и использованию ее для проведения сопоставительных исследований¹. Этот же термин был

© Кобозева И. М., 2025

¹ По-видимому, впервые, по свидетельству П.М. Тюрина (2016, с. 23) этот термин был использован в переводе статьи В. Дресслера (1978, с. 125).

позднее взят на вооружение и в проекте по созданию многоаспектной БД русских коннекторов «Рускон» под руководством Н. В. Сердобольской на базе ИЯ РАН (Кобозева и др. 2023). Термин *коннектор* был введен в противопоставление к термину *союз*, обозначающему лексико-грамматическую категорию (часть речи) с определенными формальными и семантическими свойствами. Формальные свойства прототипического союза — неизменяемость, непроницаемость (цельность), синтаксическая позиция на левой границе клаузы, синтаксическая связь с целыми клаузами, а не с их составляющими². Семантические свойства союза: выражение смысловых отношений между пропозициями, входящими в семантическую структуру полипредикативных конструкций, — конъюнкции, обусловленности, одновременности и т. д. или валентности содержания, связывающей предикаты мысли, воли, чувства и речи с их пропозициональным актантом. При этом под полипредикативной конструкцией в случае с союзами в русском языке обычно понимается сложное предложение, хотя те же единицы языка могут связывать смысловыми отношениями и самостоятельные предложения, и более крупные единицы текста — так называемые сверхфразовые единства, пассажи и т. п.

Коннектор же — это прежде всего семантическая (функциональная) категория служебных (не предикативных) единиц языка, способных выражать смысловые отношения между единицами, выделяемыми на всех уровнях иерархической структуры текста / дискурса — от уровня клауз до макроструктурного уровня. Членами этой функциональной категории могут выступать не только неизменяемые слова любой из служебных частей речи, кроме предлогов, но и служебные фраземы и конструкции, части которых могут находиться в разных клаузах (ср. *ладно бы Р, а то Q*). Потребность в таком объединяющем понятии ощущалась давно. Одна из причин состоит в том, что его использование снимает проблему частеречной принадлежности показателей смысловых связей, которая до сих пор не разрешена в отношении многих служебных слов (ср. *ведь*, — частица или союз?; *затем* — наречие или союз? и т. д.). Предлагаемые в (Шведова 1980) «гибридные» категории типа *союзная частица* не снимают проблему, так как требуют определить часть речи слова с союзной функцией. Другой термин, предложенный в той же грамматике, — *аналог союза* — по сути, синонимичен термину *коннектор*, но уступает ему с точки зрения краткости.

Понятие *коннектора* по своему объему охватывает как *скрепы* в трактовке М. И. Черемисиной (Черемисина, Колосова 1987), так и *текстовые скрепы* в понимании А. Ф. Прияткиной (2007, с. 334). Еще одним синонимом *коннектора* выступает термин *релятив* (Ляпон 1986). Преимуществом термина *коннектор* по сравнению с другими однословными обозначениями вышеуказанного функционального класса слов яв-

² Синтаксическая связь с составляющими неклаузного типа наблюдается в предложениях с однородными членами, которые возникают в результате опущения повторяющихся частей соединяемых союзом клауз.

ляется его обеспечивающее межъязыковую узнаваемость фонетическое сходство с используемым в англоязычной литературе эквивалентом *connective*³.

Итак, коннекторы — это нечеткое множество однословных и неоднословных единиц языка, принадлежащих разным частям речи, в основном служебным, но не только, и используемых для выражения смысловых отношений между единицами текста / дискурса, которые мы будем вслед за (Кибрик, Подлеская 2009) именовать дискурсивными единицами (ДЕ) — от элементарных, содержащих одну пропозицию, до сложных, представляющих собой обширные пассажи.

1.2. Формальное разнообразие коннекторов и соединяемых ими ДЕ

Приведем примеры, показывающие сколь различны в формальном отношении элементы множества коннекторов и соединяемых ими единиц текста / дискурса.

(1)...**Потом** [мы спустились на берег океана пробежаться и позаниматься боксом. **Если** он слегка уставал, **то** начинал изображать тренера: оставался, якобы **затем, чтобы** поправлять мои удары и стойки, **но** я знал, что главным образом ему просто надо отдышаться. **Так**, за упражнениями и пробежками, мы одолевали по пляжу несколько миль, отделявших Гусиную бухту от Авроры.] **Затем** [поднимались по скалам Гранд-Бич и шли по спящему городу] [J. Dicker. La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert (2012) | Ж. Диккер. Правда о деле Гарри Квеберта (И. Стаф, 2017)].

Здесь простые наречия *потом* и *затем* последовательно соединяют сложные ДЕ в нарративе отношением временного следования; союз *если* с дистантно расположенным коррелятом *то* (“двухместный союз”) устанавливает каузальную связь между двумя монопредикативными ДЕ; “составной союз” *затем, чтобы* устанавливает отношение цели опять-таки между двумя монопредикативными ДЕ, а простой (однословный) союз *но* соединяют полипредикативную ДЕ с монопредикативной в рамках СП; наконец, анафорическое местоимение *так* устанавливает отношение тождества между ситуацией, описанной в предшествующей ДЕ и способом действия, описанного в следующей ДЕ. В примере (2) простой союз *но* соединяет две реплики в диалоге:

(2) — Эту книжку я, к сожалению, не могу продать. Она очень дорогая... они даже под подушку ее себе клали... — **Но**, может быть, вы позволите хоть посмотреть ее? [И. А. Бунин. Грамматика любви (1915)].

Итак, основная функция коннекторов — выражать и тем самым устанавливать смысловые связи между ДЕ — есть то, что позволяет рассматривать их как «штатных сотрудников» по ведомству Дискурса. Если бы в дискурсе не было коннекторов, понять смысл сказанного было бы намного сложнее, если вообще возможно. В области анализа дискур-

³ К тому же, как справедливо отмечает П.М. Тюрин, экстенционал терминов *скрепа* и *текстовая скрепа* в работах разных авторов неодинаков (2016, с. 23–25).

са изучение семантики коннекторов ведется в терминах набора смысловых, или логико-семантических отношений между ДЕ, включающего в свой состав все те отношения между частями сложного предложения, которые описаны в традиционной грамматике, но не ограничивающегося ими. Мы в данной статье не будем касаться этой важной темы, которой посвящено множество исследований, а попытаемся ответить на вопрос, какое отношение коннекторы имеют к ведомству Прагматики.

2. Коннекторы в их отношении к прагматике

Ответ на поставленный выше вопрос зависит от того, что мы вкладываем в понятие «прагматика».

2.1. Прагматика как фактор разрешения неоднозначности коннектора

Общеизвестно, что в естественных процессах порождения и понимания речи задействуется не только знание языка *per se*, но и разнообразные знания других типов (см. лингвистически ориентированную классификацию знаний: (Паршин 1981)). Достаточно распространено в лингвистике мнение, согласно которому всякое обращение к экстралингвистическим знаниям или представлениям в лингвистических описаниях есть выход в сферу прагматики. Если так трактовать прагматику, которую мы назовем эпистемологической, то можно сказать, что в общем случае сам по себе коннектор как языковой знак не обеспечивает установления правильного смыслового отношения между ДЕ без обращения к прагматике. Так, союзы выражающие причинно-следственные отношения, как и многие другие коннекторы, могут устанавливать их на разных уровнях содержания соединяемых ДЕ: на объективном онтологическом уровне описываемых ими ситуаций (ситуация Р — причина ситуации Q, то есть ситуация Р порождает ситуацию Q) и на субъективном уровне имплицитных пропозициональных установок по отношению к описываемым ситуациям, как было показано в (Разлогова 1988).

(3) Деревья качаются (Q), **потому что** дует ветер (Р) [Ситуация Р порождает ситуацию Q].

(4) Ветер дует (Q), **потому что** деревья качаются (Р) [Восприятие ситуации Р порождает знание о том, что имеет место ситуация Q].

В обоих случаях *потому что* обозначает каузальную импликацию (1), которая образует общий компонент в семантике разных употреблений коннектора. Но в случаях типа (3) каузальная зависимость между ситуациями Р и Q ($P \perp Q$) принадлежит фонду общих знаний, из которого извлекается, так сказать «в готовом виде», не требуя проведения каких-либо когнитивных процедур со стороны говорящего, тогда как (4) вербализует когнитивную процедуру умозаключения-абдукции: го-

ворящий высказывает мнение Q , обосновывая его утверждением P , истинность которого адресат не будет оспаривать, и общим фоновым знанием $P \perp Q$. Экспериментально установлено на материале английского языка, который в рассматриваемом аспекте не отличается от русского, что понимание предложений типа (4) требует больше времени, чем понимание предложений типа (3) (Traxler et al., 1997), и объясняется это именно тем, что в предложениях типа (4) слушающий должен построить более сложную семантическую структуру, включающую два ментальных пространства, в смысле (Fauconnier 1994): ментальное пространство знаний о мире и ментальное пространство сознания говорящего — его мнений и убеждений (Sanders et al. 2009).

Итак, один и тот же коннектор служит маркером разных смысловых отношений, хотя и имеющих общий семантический компонент, ср. отношения Причины (Волитивной и Неволитивной) и Обоснования в Теории риторической структуры (Mann, Thompson 1992; Кибрик, Подлесская 2009). Правильное установление смыслового отношения обеспечивает совместная работа коннектора и знаний об устройстве мира. Так, наивный воробышек Пудик из сказки М. Горького «Воробышко» понял бы высказывание (5), будь оно произнесено его мамой-воробышкой, ошибочно — как авторитетное высказывание об устройстве мира, так как в его представлениях о мире ветер порождался именно качанием деревьев.

В работах о союзах (ядре класса коннекторов), написанных с позиции так называемой «радикальной прагматики», было продемонстрировано, что семантическое описание многих коннекторов может быть упрощено, «разгружено», по словам Е. В. Падучевой (1985, с. 43), если отнести часть информации, на первый взгляд выражаемой союзом, к коммуникативным импликатурам — выводам, получаемым из сказанного на основе знания правил речевого общения типа максим П. Грайса. Так, в (Шведова 1980) союз *и* считается выразителем широкого круга значений, в том числе значения временного следования 'после этого', реализующегося в предложениях вида P и Q , когда предикаты соединяемых клауз имеют форму СВ. Но приписывать такое значение союзу *и* излишне, потому что компонент 'после этого' вносится в значение такого предложения не союзом. Мы легко можем опустить союз, а компонент 'после этого' в смысловой структуре предложения сохранится:

(5) Они поженились, **и** у них родилась двойня.

(6) Они поженились, у них родилась двойня.

Семантика СВ в совокупности со знаниями о мире исключает как одновременность, так и пересечение ситуаций P и Q во времени, а компонент ' Q после P ' — это коммуникативная имплицатура, выводимая из максимы способа 'Излагай события последовательно', то есть в том порядке, в котором они совершались. Если бы порядок на деле был обратным, что вполне возможно в нашем мире, то высказывание (5), как и (6), нарушало бы эту максиму. Исходя из предположения о взаимном

соблюдении коммуникантами Принципа сотрудничества и вытекающих из него правил-максим, мы из (5) делаем вывод: 'Двойня родилась после вступления в брак', а из (7) — 'Вступление в брак произошло после рождения двойни':

(7) У них родилась двойня, **и** они поженились.

Такое отношение между коннекторами и прагматикой вряд можно описать как работу коннекторов на прагматику. Скорее наоборот: прагматика «помогает» коннектору в установлении максимально конкретного смыслового отношения между ДЕ. В следующем разделе мы покажем, что при иной трактовке прагматики коннекторы совмещают свою основную — связующую — функцию с прагматической.

2.2. Коннекторы на службе у прагматики

Если прагматику высказывания трактовать в семиотическом смысле — не как фоновые знания, ассоциируемые с его собственно языковым значением, а как особый тип информации, входящий в значение используемых языковых знаков, а именно информации об отношении говорящего к сообщаемому, то окажется, что коннекторы (разумеется, не все) способны не только выполнять свою основную работу по установлению смысловых связей в дискурсе, но и совмещать ее с передачей прагматической информации.

К такой информации относятся прежде всего субъективно-модальные компоненты отношения Г⁴ к одной из соединяемых ситуаций, встроенные в семантику коннектора. Как известно, соединительные союзы *и*, *а* и *но* различаются именно такими компонентами, по-разному формулируемыми в их аналитических толкованиях. Так, союзы *и* и *но* устанавливают соединительное отношение (конъюнкцию) между соединяемыми ДЕ Р и Q:

(8) Р *и* / *но* Q = 'Р имеет место, Q имеет место' (Санников 1989).

Различаются же они тем, как Г оценивает «нормальность» наличия Q при наличии Р. Рассмотрим предложения, отличающиеся только выбором союза:

(9) Родители подарили молодым на свадьбу путевку в Турцию, **и** те были в восторге.

(10) Родители подарили молодым на свадьбу путевку в Турцию, **но** те были в восторге.

Союз не только выражает логико-семантическое отношение конъюнкции между Р и Q, но и сообщает об отношении говорящего к нормальности восторженной реакции молодоженов на такой свадебный подарок. В случае (9) такая реакция для говорящего нормальна, ожида-

⁴ Здесь и далее буквой Г обозначается говорящий.

ема, а в случае (10) — ненормальна (*Чему тут радоваться? Не Мальдивы же и не ключи от новой квартиры!*). В подобных случаях, характеризующихся тем, что влияние ситуации Р на ситуацию Q не входит в фонд общих знаний о мире, выбор союза сообщает нам нечто о взглядах говорящего, то есть содержит имплицитную прагматическую информацию.

Заметим, что в разделе 2.1 мы уже говорили о предложениях с коннектором типа *потому что*, которые содержат информацию о мнении говорящего, выводимом из некоторого общего знания. Это, несомненно, прагматическая информация в рассматриваемом в данном разделе понимании. Но она не встроена в значение коннектора, а вносится в интерпретацию предложения только при обнаружении невозможности проанализировать его на объективном онтологическом уровне связей между ситуациями в базе знаний о мире. В отличие от этого союз *но* заключает в своем значении компонент, который Е. В. Урысон эксплицирует как 'ожидание': в случае союза *и* Q соответствует ожиданию говорящего, а в случае *а* и *но* — не соответствует (Урысон 2011, с. 312–316). Таким образом, сочинительные союзы несут прагматическую информацию о том, соответствует ли конъюнкция $P \wedge Q$ ожиданиям говорящего.

Коннектор может нести и информацию об эмоциональном состоянии говорящего. Так, в (Зализняк, Микаэлян 2018) описывается семантическое различие между предложением с союзом *но* и предложением, в котором вместо *но* употребляется другой противительный союз — *а*. Применительно к предложениям (11) и (12):

(11) Два месяца отдыхал, **но** работать по-прежнему не могу.

(12) Два месяца отдыхал, **а** работать по-прежнему не могу.

оно характеризуется следующим образом: в (11) «содержится сухая констатация» ненормальности ситуации Q при наличии ситуации Р, по мнению говорящего, а в (12) «говорящий выражает свое недоумение по поводу необъяснимого положения дел» (Там же, с. 35–36). И далее: «главная функция *а*, в отличие от *но*, — выразить **отношение говорящего** к наблюдаемому факту сосуществования двух несовместимых друг с другом ситуаций: удивление или недоумение, связанное с непониманием причины такого положения вещей» (Там же, с. 37).

В рассмотренном случае коннекторы содержат информацию об оценке Г-им одновременной истинности соединяемых пропозиций Р и Q как нормальной или ненормальной, которая в случае ненормальности может сопровождаться информацией об эмоциональном состоянии удивления или недоумения говорящего

Другие коннекторы сообщают о том, что говорящий считает некоторую ситуацию саму по себе в том или ином отношении ненормальной. При этом норма может быть статистической, этической, утилитарной и т.д. Иными словами, «нормативным» при этом может быть как «ожидаемое (согласно знаниям или представлениям говорящего о

мире)», так и «должное» или «полезное». Рассмотрим кластер трехвалентных двухместных коннекторов с первым компонентом *ладно бы*: *ладно бы... а то/ так нет / так ведь / но.../ Ø*: N. Ладно бы P, а то Q.

Доказательством наличия у коннекторов данного кластера третьего семантического актанта N является его обязательность: предложение с *ладно бы* не может открывать собой повествование или быть первой репликой диалога. Ему должно предшествовать высказывание, выражающее семантический актант N. При этом синтаксическая сфера действия коннектора по данному актанту не может быть задана строгими лингвистическими правилами, то есть является лингвистически неопределенной по терминологии, предложенной Е. В. Урысон (2011, с. 155). Первый семантический актант N описывает ненормативную, аномальную с точки зрения говорящего ситуацию, второй актант P обозначает гипотетическую ситуацию, при которой он готов был бы принять ситуацию в N как более близкую к норме, а третий — реальную ситуацию Q, которая усугубляет отклонение N от нормы.

(13) Стянули менты наши кровно заработанные рублики (N). Да ладно бы голятивинские стянули (P), тем от природы суждено грабить, а то московские, которые самого Сталина охраняют (Q)!⁵

(14) В Новом Манеже в первые полчаса работы выставки были на корню скуплены все идеи чучхе. **Ладно бы** корейцы, **так нет**, наши москвичи растащили гору брошюр, причем образовалась свалка.

Более частотны случаи, когда отклонение от нормы оценивается Г отрицательно. Так в (13) говорящий явно осуждает действия «ментов». В случае (14) отрицательная оценка случившегося в Манеже не столь очевидна, но «вычисляется» благодаря использованию лексики с отрицательными коннотациями: *скупить на корню*, и подкрепляется в дальнейшем словами *растащить, свалка*. Редки, но все-таки возможны и оценочно-нейтральные примеры с отклонением от нормы, как, например:

(15) В музее видно, что, несмотря на ивановские ламентации о низком культурном уровне местного населения, статус писателя по-прежнему высок, и **ладно бы** только писателя: главное божество местного пантеона — литературный критик Валентин Курбатов, представленный здесь портретами маслом, мраморными скульптурами и чуть ли не видеоинсталляциями.

Автор данного высказывания явно иронизирует над почитанием критика Курбатова, но тем не менее нет оснований усматривать в этом примере отрицательную оценку того, что статус писателя у местного населения по-прежнему высок. Это, с точки зрения автора, необычно, но не плохо.

Несомненно, оценка говорящим одной из соединяемых коннектором ситуаций входит в семантику коннекторов *благодаря тому что, из-за того что*. Коннекторы *причины благодаря тому / из-за того что* конвенционально имплицитно соответствуют положительно и отрицательно оцененным ситуациям в главной ДЕ.

⁵ Примеры (13–15) взяты из Национального корпуса русского языка.

(16) Враг вступает в город, пленных не щадя, из-за того (*благодаря тому) что в кузнице не было гвоздя.

Коннектор *хорошо*, семантика и синтаксис которого описаны в (Иомдин 2014) представлен в примере (17):

(17) [Оставшись с двойняшками на руках, он потерялся], **хорошо** [тёща забрала их в деревню, отпаивала разбавленным коровьим молоком, овсяным отваром, и вот — тьфу, тьфу! — дети растут...

Он имеет три семантических актанта: ситуация Р, отрицательные следствия Q, которые она могла бы вызвать, и ситуация R, которая не дала этим следствиям реализоваться. В рамках сложной ДЕ, формируемой этим коннектором, выражены только два актанта — ситуации Р и R, а возможные отрицательные последствия Q имплицитированы, но могут быть эксплицитированы в следующей ДЕ. Так, в (17) подразумевается, что двойняшки могли остаться без должного присмотра и пострадать от этого, и это могло бы быть выражено в продолжении, например *А то пропали бы, бедные*. Таким образом, коннектор *хорошо* несет прагматическую информацию о том, что говорящий считает ситуацию Р потенциально опасной, нежелательной для себя или других лиц, а ситуацию R оценивает положительно. Интересно, что коннектор *благо*, устанавливающий между соединяемыми ДЕ отношение, которое в Теории риторических структур называется Обеспечением возможности (Enablement), не несет информации об оценочном отношении говорящего ни к одной из соединяемых им ДЕ⁶.

Нетривиальную информацию о психологическом состоянии говорящего выявила И. Б. Левонтина в семантике союза *ан*, который согласно ее анализу, также является трехвалентным.

(18) Ему на больной ноге [A3], казалось, вообще до финиша не добежать [A1], **ан** он первым пришел [A2]!

Вот как она описывает эту прагматическую информацию: «Высказывания с *ан* делаются с позиции превосходства: говорящий ощущает свое преимущество перед другими участниками ситуации или над слушающим, поскольку он-то раньше других знал, каково истинное положение дел» (Левонтина 2020, с. 261).

Разумеется, рассмотренными коннекторами не ограничивается подмножество единиц данного функционального класса, несущих прагматическую информацию, однако полный охват таких единиц не входил в задачи нашего исследования.

⁶ Подробнее об оценке в семантике коннекторов см.: (Кобозева 2024).

3. Заключение

Мы рассмотрели, как соотносятся коннекторы с областью прагматики в двух ее трактовках, наблюдаемых в лингвистике, — эпистемологической и семиотической.

Не ставя перед собой задачи исчерпывающего описания вклада коннекторов в прагматический слой содержания текста, мы показали, что в семантике ряда коннекторов присутствует не только информация о смысловых связях между единицами дискурса, но и прагматическая информация, что и оправдывает метафору о совместительстве в названии данной статьи.

Таким образом, коннекторы встают в один ряд с модальными частицами и вводными (модальными) словами в качестве носителей прагматической, в том числе, оценочной информации. Учет прагматической семантики коннекторов позволит уточнить методы извлечения из текста / дискурса имплицитной информации об эпистемическом, аксиологическом и эмоциональном отношении говорящего к сообщаемому, как и о его позиционировании по отношению к адресату.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект «Связь пропозиционных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации» №22-18-00528п, в Институте языкознания РАН, https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-00528.

Список литературы

Дресслер, В., 1978. Синтаксис текста. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8: Лингвистика текста. М., с. 111–137. [Dressler, V., 1978. The syntax of the text. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 8: *Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Issue 8: Linguistics of the text]. Moscow, pp. 111–137 (in Russ.).]

Зализняк, А. А., Микаэлян, И. Л., 2018. Союз А. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. О. Ю. Инькова (ред.). М., с. 24–79. [Zaliznyak, A. A. and Mikaelyan, I. L., 2018. Conjunction A. In: O. Yu. Inkova, ed. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectors: a contrastive study]. Moscow, pp. 24–79 (in Russ.)] EDN: YLDTUD, <https://doi.org/10.30826/SEMANTICS18-02>.

Зацман, И. М., Инькова, О. Ю., Кружков, М. Г., Попкова, Н. А., 2016. Представление кроссязыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных. *Информатика и ее применения*, 10 (1), с. 106–118. [Zatsman, I. M., Inkova, O. Yu., Kruzhkov, M. G. and Popkova, N. A. 2016. Representation of cross-lingual knowledge about connectors in supracorpora databases. *Informatika i ee primeneniya* [Informatics and applications], 10 (1), pp. 106–118 (in Russ.)] EDN: VXDWPP, <https://doi.org/10.14357/19922264160110>.

Иомдин, Л. Л., 2014. Хорошо меня там не было: синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of Slavists*. Nomachi, M., Danylenko, A. and Piper, P., eds. München; Berlin; Washington, pp. 423–

436. [Iomdin, L.L., 2014. It was good that I wasn't there: syntax and semantics of a class of Russian colloquial constructions. In: Nomachi, M., Danylenko, A. and Piper, P., eds. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of Slavists*. München; Berlin; Washington, pp. 423–436 (in Russ.))] EDN: TOGQHH.

Кибрик, А.А., Подлесская, В.И., (ред.), 2009. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М. [Kibrik, A.A. and Podlesskaya, V.I., eds., 2009. *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams. Corpus study of oral Russian discourse] (in Russ.))] EDN: RBONUT.

Кобозева, И.М., Сердобольская, Н.В., Крюкова, А.И., Пилюгина, Д.А., 2023. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты. *Вестник Тюменского государственного университета*, 4, с. 36–47. [Kobozeva, I.M., Serdobolskaya, N.V., Kryukova, A.I. and Pilyugina, D.A., 2023. Creating a database of modern Russian clause linkers: principles, problems, results. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9 (4), pp. 36–47 (in Russ.))] EDN: UZUXZF, <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-36-47>.

Кобозева, И.М., 2024. Оценка в семантике союзов (заметки на полях двух грамматик). *Язык и мир. К столетию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой. Логический анализ языка*. М., с. 157–167. [Kobozeva, I.M., 2024. Evaluation in the semantics of conjunctions (notes on the margins of two grammars). In: *Yazyk i mir. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Niny Davidovny Arutyunovoi. Logicheskii analiz yazyka* [Language and the world. Language and the world: celebrating the 100th anniversary of Nina Davidovna Arutyunova's birth. Logical language analysis]. Moscow, pp. 157–167 (in Russ.)).

Левонтина, И.Б., 2020. «Мелкое слово» ан. *Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова*, 3 (25), с. 253–264. [Levontina, I.B., 2020. The Russian “Small word” an ‘But, in fact’. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 3 (25), pp. 253–264 (in Russ.))] EDN: JOVEZZ, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2020.3.17>.

Ляпон, М.В., 1986. Смысловая структура сложного предложения и текст. *К типологии внутритекстовых отношений*. М. [Lyapon, M.V., 1986. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnoshenii* [The semantic structure of a complex sentence and the text. Towards a typology of intra-textual relations]. Moscow (in Russ.)).

Падучева, Е.В., 1985. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М. [Paducheva, E.V., 1985. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [The utterance and its relation to reality]. Moscow (in Russ.)).

Паршин, П.Б., 1981. К вопросу о лингвистически ориентированной классификации знаний. *Труды по искусственному интеллекту. IV. Диалоговые системы и представление знаний*. Тарту, с. 102–116. [Parshin, P.B., 1981. On the linguistically oriented classification of knowledge. In: *Trudy po iskusstvennomu intellektu. IV. Dialogovye sistemy i predstavlenie znaniy* [Works on artificial intelligence. IV. Dialog systems and knowledge representation]. Tartu, pp. 102–116 (in Russ.)).

Прияткина, А.Ф., 2007. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка). *Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции)*. Владивосток, с. 334–344. [Priyatkina, A.F., 2007. Textual “clips” and “clip phrases” (On the expansion of the category of function words in the Russian language). In: *Russkii sintaksis v grammati-*

cheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruktii) [Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic relations and constructions)]. Vladivostok, pp. 334–344 (in Russ.)] EDN: ZDZHFk.

Разлогова, Е. Э., 1988. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях. *Логический анализ языка. Знание и мнение*. М., с. 98–107. [Razlogova, E. E., 1988. Explicit and implicit propositional attitudes in causal and conditional constructions. In: *Logicheskii analiz yazyka. Znanie i mnenie* [Logical analysis of language. Knowledge and opinion]. Moscow, pp. 98–107 (in Russ.)].

Санников, В. З., 1989. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М. [Sannikov, V. Z., 1989. *Russkie sochinitel'nye konstruktii: Semantika. Pragmatika. Sintaksis* [Russian coordinating constructions: Semantics. Pragmatics. Syntax]. Moscow (in Russ.)].

Тюрин, П. М., 2016. Текстовые скрепы таким образом и итак в современном русском языке: особенности функционирования и семантики. Владивосток. [Tyurin, P. M., 2016. *Tekstooye skrepy takim obrazom i itak v sovremennom russkom yazyke: osobennosti funktsionirovaniya i semantiki* [Text clips in this way and so in modern Russian: features of functioning and semantics]. Vladivostok (in Russ.)] EDN: XFETLH.

Урысон, Е. В., 2011. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М. [Uryson, E. V., 2011. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov: Lingvisticheskie dannye o deyatel'nosti soznaniya* [An attempt at describing the semantics of conjunctions: linguistic evidence of consciousness in action]. Moscow (in Russ.)].

Черемисина, М. И., Колосова, Т. А., 1987. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск. [Cheremisina, M. I. and Kolosova, T. A., 1987. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk (in Russ.)].

Шведова, Н. Ю., ред., 1980. Русская грамматика. Т. 2. М. [Shvedova, N. Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow (in Russ.)].

Fauconnier, G., 1994. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. New York.

Mann, W. C. and Thompson, S. A., 1992. Rhetorical structure theory and text analysis. In: W. Mann and S. Thompson, eds. *Discourse Description. Diverse Linguistic Analyses of a Fundraising Text*. Amsterdam; Philadelphia.

Sanders, T., Sanders, J. and Sweetser, E., 2009. Causality, cognition, and communication: A mental space analysis of subjectivity in causal connectives. In: *Causal categories in discourse and cognition*. Berlin, pp. 19–60.

Traxler, M. J., Sanford, A. J., Aked, J. P. and Moxey, L. M., 1997. Processing causal and diagnostic statements in discourse. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 23 (1), pp. 88–101.

Об авторе

Ирина Михайловна Кобозева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник лаборатории по изучению и сохранению малых языков, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4214-2878

E-mail: kobozeva@list.ru

Для цитирования:

Кобозева И.М. Коннекторы — штатные сотрудники в Дискурсе и совместители в Прагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 40—53. 10.5922/2225-5346-2025-3-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

CONNECTIVES — FULL-TIME EMPLOYEES IN DISCOURSE AND OUTSOURCERS IN PRAGMATICS

Irina M. Kobozeva

¹ Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskije Gory, Moscow, 199991, Russia

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Kislovsky Per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on 12.06.2025

Accepted on 24.06.2025

10.5922/2225-5346-2025-3-3

*The article is devoted to connectives, i.e., functional words and constructions whose primary function is to express semantic relations between units of discourse. It aims to explore the pragmatic dimension of connectives, which remains largely underappreciated in linguistic pragmatics to date. Given that the concept of pragmatics has at least two distinct interpretations in linguistic research — here termed the epistemological (pragmatics as shared knowledge activated in discourse production and comprehension) and the semiotic (pragmatics as information about the speaker's attitude toward the utterance, conveyed through linguistic means) — both perspectives are addressed. The introductory section justifies the use of the term *konnektor* (the Russian equivalent of *connective*), a relatively recent addition to Russian linguistic terminology, arguing for its advantages over closely related terms. This section also demonstrates the formal diversity of connectives. Section 2, the main body of the article, consists of two parts. In the first (2.1), it is argued that pragmatics, in its epistemological interpretation, functions as a factor that specifies or refines the general semantic relation expressed by the connective. In the second part (2.2), the focus shifts to the semiotic interpretation, where we identify pragmatic components within the linguistic meaning of connectives. Based on the analysis of several representative cases, the article concludes that, in addition to their primary function of marking semantic relations within discourse, some connectives also perform a secondary function: conveying pragmatic information about the speaker's attitude toward the propositional content of the connected units.*

Keywords: *connective, conjunction, discourse, pragmatics, evaluation*

This research is supported by the grant of the Russian Science Foundation, project “The connection of propositional units in a sentence and in a text: semantics and modes of grammaticalization” (№ 22-18-00528n) carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

The author

Dr. Irina M. Kobozeva, Professor, the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, the Laboratory for the Study and Preservation of Minority Languages, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4214-2878

E-mail: kobozeva@list.ru

To cite this article:

Kobozeva, I.M., 2025, Connectives — full-time employees in discourse and outsourcers in pragmatics, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 40–53. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))